

МАКС ВЕБЕР: «ВСЕ МОИ СИМПАТИИ ПРИНАДЛЕЖАТ РУССКОМУ ОСВОБОДИТЕЛЬНОМУ ДВИЖЕНИЮ»: СТАТЬИ, ПИСЬМА И ОЧЕРКИ КЛАССИКА СОЦИОЛОГИИ О РЕВОЛЮЦИЯХ, ВОЙНЕ И ДЕМОКРАТИИ

*Николай Александрович Головин**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Головин Н.А. (2017) Макс Вебер: «Все мои симпатии принадлежат русскому освободительному движению»: статьи, письма и очерки классика социологии о революциях, войне и демократии. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 20(4): 70–88. <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.4.4>

Аннотация. Классик социологии и россиевед Макс Вебер (1864–1920) считал, что в начале XX в. возникла возможность интеграции России и Германии в западную цивилизацию. От русских революций он ожидал осуществления этой возможности, предсказанной его исторической социологией. Вебер надеялся, что революция 1905–1906 гг. обеспечит переход России к капитализму и конституционной монархии, но политический анализ привел его к выводу об установлении в стране псевдоконституционализма. Февральская революция 1917 г., падение династии Романовых были восприняты Вебером как спасительное для Германии «чудо», открывающее возможность заключения сепаратного мира с Россией в Первой мировой войне. Оценивая новые шансы установления капитализма и либеральной демократии в России, он исходил из нерешенности задачи демократизации и принципиально прежнего баланса политических сил. Февральскую революцию, борьбу Временного правительства и большевистского Петроградского совета он счел псевдodemократией. Он недооценил большевизм, способность крестьянской страны к ускоренной модернизации и укрепился в выводе о расхождении исторических путей России и Германии в результате Октябрьской революции в России, использовал его в критике Баварской Советской республики и леворадикальных революционных движений в Германии (1918–1919). В анализе используются статьи, очерки, деловые и личные письма Вебера, ставшие доступными лишь недавно после выхода в свет почти всех томов Второго полного собрания его сочинений, а также большой исторический материал, позволяющий объективно оценить его выводы с учетом отдаленных последствий исторических событий.

Ключевые слова: Макс Вебер, история социологии, историческая социология, социальная революция, социализм, капитализм

Основной вопрос веберовского россиеведения

Интерес к России возник у Макса Вебера одновременно с началом первой русской революции, итог которой был важен для его уже сложившейся к тому времени концепции всемирной истории. Присоединится ли Россия

* E-mail: n.golovin@spbu.ru

(и Германия) в своем историческом развитии к Западу или останется крестьянской страной с традиционной православной культурой? — вот основной вопрос его россиеведения. В дальнейшем Вебер охватил в своих работах все российские революции 1905 и 1917 гг. и германские революции 1918–1919 гг., причинно связанные с Первой мировой войной. Эти революции для Вебера — актуальные альтернативы цивилизационного выбора обеих стран.

Настоящий историко-социологический анализ основного вопроса веберовского россиеведения основан не только на известных и малоизвестных очерках Вебера о России и Германии, но и на его научной, деловой, личной переписке. Многие из его писем, выступлений, воззваний и газетных статей стали доступны лишь недавно по мере выхода в свет в издательстве «J.C.B. Mohr (Paul Siebeck) Второго полного собрания сочинений Вебера. (Из 47 запланированных томов к 2017 г. издан уже 41, из них 9 томов писем — практически все деловые и частные письма Вебера).

Переписка и политико-аналитические работы Вебера образуют взаимный контекст его понимания причин, хода и исторических последствий войны и революций. Используя эти материалы для оценки взглядов Вебера с современных позиций, что не раз уже делалось в нашей социологии, но неполно (напр., Шпакова 2003; Давыдов 1992), мы отдаем себе отчет в том, что теперь нам легче это сделать, чем современникам Вебера, т. к. у нас есть возможность сравнить его выводы с отдаленными последствиями исторических альтернатив, в которых оказались Россия и Германия. Мы также будем использовать метод исторической социологии, т. е. рассматривать дилеммы направлений развития общества, обращаясь к фактическому материалу.

Здесь уместно отметить глубокую вовлеченность Вебера в политику: по словам его жены, он был «рожден для пера и для трибуны, а не для кафедры» (Вебер 2007: 504). Это не мешало ему четко разделять науку и политику, поиски научной истины и попытки влияния на политику. Пользуясь словами Вебера, в научном исследовании следует избегать «оценочных суждений об определенных политико-экономических мероприятиях государства» (Вебер 1990: 346). Однако сам он писал не только научные работы, но и политические очерки и статьи, чтобы повлиять на большую политику.

Первая русская революция была воспринята Вебером с энтузиазмом, он выучил русский язык, стал читать научную литературу и периодику в оригинале, наладил контакты с коллегами в Москве и в Санкт-Петербурге. По свидетельству его супруги, Вебер напряженно следил за «развитием русской драмы» и «полностью сжился с душой и культурой русского народа» (Вебер 2007: 287).

Революция в России означала для него поворотный пункт всемирной истории. Он считал, что обе страны, Россия и Германия, стоят перед дилем-

мой: либо присоединиться к западной цивилизации с ее главной ценностью — свободой, либо остаться во власти своей культурной традиции. Об этом говорится двух его «русских» очерках 1905–1906 гг. Очерк «Zur Lage der bürgerlichen Demokratie in Russland» (1905) был опубликован в Киеве под названием «К положению буржуазной демократии в России» (1906). Второй очерк «Russlands Übergang zum Scheinkonstitutionalismus» — «Переход России к псевдоконституционализму» (1906, русский перевод 1988–1990 гг.) (Кустарев 2017) содержит детальный анализ судьбы конституционализма от Высочайшего Манифеста 17.10.1905 г. до роспуска Государственной думы 9.06.1906. Очерки сделали автора известным в России, обеспечили ему авторитет в Германии (Шпакова 2003).

Первая мировая война оборвала его личные связи с Россией, помешала его намечавшемуся визиту в Москву и Санкт-Петербург, в российскую глубинку, в деревню, с целью самому оценить готовность страны к буржуазно-демократическим переменам. В военные годы у него сформировался скепсис по этому вопросу. Появились высказывания о расхождении исторических путей двух стран. Согласно немецкому историку Карлу Хампе (Karl Hampe, 1869–1936), «Вебер считал возможной на будущее лишь антирусскую политику, которая поэтому дружественна Англии» (Weber 2008b: 597). Он верил в установление в Германии парламентской республики, был за создание независимой Польши, Латвии, Литвы как буферных государств между Россией и Германией, ратовал за вытеснение имперской России с польского экономического рынка, т. е. был не только за геополитическое размежевание, но и за экономико-политическое отчуждение двух держав.

В дальнейшем вышедший в одном германском еженедельнике в апреле 1917 г. очерк «Russlands Übergang zur Scheindemokratie» (Weber 1984d), другие его статьи, особенно «Die russische Revolution und der Friede» (Weber 1984c) (перевод: «Русская революция и мир») содержат его новые оценки перспектив перехода России к капитализму и демократии. В своих политических оценках большевизма в России Вебер подчеркивает сформулированное еще в 1905 г. важнейшее для любой революционной группировки условие удержания власти — ее поддержка финансовым капиталом. После Первой мировой войны восстановление европейских стран действительно оказалось невозможным без американских кредитов. Их не предоставят никому, кроме буржуазии. Следовательно, по Веберу, освободительные движения в России и в Германии могут быть успешны лишь как буржуазно-демократические.

О поражении первой русской революции 1905 г.

Вернемся к вопросу о том, готовы ли Россия и Германия присоединиться к европейскому пути развития с его «духом свободы». Свобода — главная

цивилизационная ценность Европы. В первом русском очерке Вебер разъясняет читателю эту особенность Европы. Возникновение «свободы» как ценности было основано на уникальном, больше неповторимом сочетании исторических предпосылок. Среди них ключевой фактор — мировая экспансия европейцев. «В армиях Кромвеля, во французском Учредительном собрании, во всей нашей хозяйственной жизни еще сегодня веет этот заморский ветер», — пишет он и отмечает, что теперь больше нет «свободной части света», но на огромных пространствах России и Америки население все больше тяготеет к западной культуре (Weber 1989b: 270). От цивилизационного выбора этих крупнейших обществ (а также Германии) ныне во многом зависит судьба европейской свободы.

Самодержавный выбор был сделан 9.01.1905 — в «кровавое воскресенье» в Санкт-Петербурге, которое произвело тягостное впечатление в цивилизованном мире. Газета «Берлинер тагеблат» сравнивала «кровавое воскресенье» в Санкт-Петербурге с «кровавыми неделями восстания Парижской коммуны» (1871) (Levisohn 1905) и была права. Однако газеты не давали целостной картины событий, часто изображая русскую революцию как хаос. Они не могли удовлетворить научный интерес Вебера, а лишь разогревали его. Вебер уже давно поддерживал контакт с русской диаспорой в Гейдельберге, которая в то время была крупнейшим центром русской культуры за рубежом. Там он пользовался богатой русской библиотекой (Пироговская читальня), располагавшей свежей периодикой, которая была использована в его «русских очерках». Повторим, что под влиянием роста общеевропейского внимания к событиям в России, личного научного и политического интереса Вебер выучил русский язык, наладил контакты с русскими обществоведами и политиками, журналистами.

Немецкий социолог был вынужден констатировать поражение первой русской революции уже 5.06.1905 на заседании Национально-социального союза (Гейдельберг). Причины усматривались им в инертности русского крестьянского общества, его религиозности, вере в царя и в божественность института самодержавия (Zur Rede 1989: 698). Согласно веберовскому объяснению причин поражения, важно, что в России еще не было религиозной реформации, подобной протестантизму с его рациональным «расколдовыванием» мира.

Этот аргумент не учитывал результатов столыпинской аграрной реформы, направленной на разрушение крестьянского общинного уклада жизни, но пока не давшей заметных результатов. Вебер все еще надеялся, что Россия встанет «на путь специфически европейского развития» (Weber 1989b: 270) с его важнейшей ценностью — свободой. Он счел первую русскую революцию неподготовленной попыткой пройти историческое распустье в западном направлении.

Примечательно, что после поражения революции и некоторого роста антироссийских настроений в Германии из-за имперских амбиций России в отношении черноморских проливов Вебер поместил в газете «Русские ведомости» от 17(30).03.1909 заметку с разъяснением того, что международная напряженность не влияет на его поддержку русского освободительного движения, успех которого пойдет лишь на пользу Германии. Он заявляет: «Я держусь того мнения, что обновление России придет и что поэтому в интересах Германии, чтобы обновление пришло как можно скорее, чтобы мы как можно скорее имели возможность непосредственным участием обоих народов (vom Volk zu Volk) разрешить разделяющие нас вопросы. Поэтому не только в виду всем нам общих высоких культурных интересов, но и в силу непосредственных немецких интересов уже с давних пор все мои симпатии принадлежат русскому освободительному движению» (Вебер 1909: 5).

Из первой русской революции Вебер сделал вывод о необходимости поддержки власти финансовым капиталом как важнейшему, по его мнению, условию удержания власти: «Банки *обязательно* принимаются во внимание всяким правительством, будь то монархическое, парламентарное или плебисцитарное, аналогично тому, как государство-должник вроде русского царистского приняло в 1905 г. свою “конституцию”, а впоследствии вновь организовало “государственный переворот”, т. к. в обоих случаях этого требовало настроение на иностранных биржах, служивших источниками его кредитов» (Вебер 2003б: 48).

В заключении критического рассмотрения веберовского анализа итогов первой русской революции отметим, что его ключевое понятие псевдоконституционализма применительно к ней сразу же прочно вошло в политическую социологию и общественно-политический лексикон. Им пользовались крупные общественеды историк П.Н. Милюков, социолог М.М. Ковалевский и другие. Здесь же отметим, что предложенный им в дальнейшем термин «псевдодемократия» (1917), под которой понимается затушеванное неприятие демократизации русской военно-бюрократической элитой, вошел не только в научный и политический обиход того, но и нашего времени. Оценки Вебером итогов революции 1905 г. стали весьма влиятельны в России. В 1917 г. большевик В.И. Ленин счел нужным дать им уничижительную критику в «Докладе о революции 1905 года» (Ленин 1973).

О переходе России к псевдодемократии: 1917 г.

Первая мировая война началась с эйфории в европейских столицах, в том числе и в Санкт-Петербурге, и с повсеместной уверенности в том, что победа достанется малой кровью. Война закончилась революциями в нескольких европейских странах, в России (1917) и в Германии (1918-1919), оставшихся по окончании войны у разбитого корыта.

8.03(23.02)1917 в Санкт-Петербурге началась буржуазно-демократическая революция, победившая за несколько дней. 14 марта было образовано Временное правительство во главе с князем Г.Е. Львовым, Министерство иностранных дел возглавил глава партии кадетов (либералы) П.Н. Милюков. На следующий день император Николай II отрекся от престола. Был создан Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов — пролетарское правительство, которое пыталось уничтожить Временное правительство, вело против него активную пропаганду.

25.10.1917 в Петрограде в результате вооруженного восстания была провозглашена советская власть, сразу же издавшая декреты о мире и о земле, которые революционизировали фронтовые части русской армии, набранной в основном из крестьян. Эти события повлияли на другие воюющие державы, особенно на Германию и Австро-Венгрию. В Германии они привели к созданию советов по всей стране (об этом ниже). Германское верховное командование де-факто взяло на себя политическое руководство страной (Пленков 2011: 193), отнеслось к борьбе с большевизмом как к военной цели, развернув наступление на Восточном фронте и вынудив большевиков заключить грабительский Брестский мир. Генерал Э. Людендорф вспоминает: «Отправлением в Россию Ленина наше правительство возложило на себя особую ответственность. С военной точки зрения его проезд через Германию имел свое оправдание; Россия должна была пасть. Но наше правительство должно было следить, чтобы мы не погибли вместе с ним» (Людендорф 2014: 452). Реальность такой опасности подтверждает генерал-лейтенант, участник Первой мировой войны, участник Восьмого Международного социологического конгресса (1937) Н.Н. Головин, исследовавший вырождение революции в большевизм (Головин 2001: 290, 344, 347). Словно читая его выводы и размышления о необходимости геополитического дистанцирования от большевистской России, в 1918 г. германское верховное командование позволило создать три буферных прибалтийских республики, причем двух из них, Латвии и Эстонии, раньше как государств вообще не было.

Вновь обращаясь к событиям в России в очерке о «Переходе России к псевдодемократии» и в письмах 1915–1917 гг., Вебер считает, что его выводы о расстановке сил в первой русской революции остаются актуальными. Действительно, основные политические партии, профсоюзы и общественные движения возникли в России еще до и во время первой революции, хотя ее исторические задачи остались невыполненными. Изучая новую революционную ситуацию в России, Вебер напоминает читателю свой идеал политика-лидера с его «особыми качествами: жесткий *практицизм* (Sachlichkeit), точный *глазомер*, бесстрастное *хладнокровие*, способность действовать *молча*» (Вебер 2017). Их нет ни у русского царя, ни у германского кайзера, «коронованного дилетанта» в политике (Вебер 2007: 480–481). Обоих следует

отстранить от власти ради будущего своих народов, ради воспитания ответственных политических лидеров (по терминологии тех лет — вождей).

В анализе революций 1917 г. в России Вебер учел имущественное расщепление в деревне в результате столыпинской аграрной реформы как фактор сдерживания освободительного движения. К такому же выводу пришел в 1911 г. большевик В.И. Ленин (Ленин 1976). Это говорит об объективности анализа революционной ситуации обоими классиками. В отличие от Ленина Вебер акцентировал ключевое условие победы революции — удержать власть можно лишь при поддержке финансового капитала. В 1917 г. он пишет: «Даже там, где восставшими массами руководят способные и, по крайней мере, не чисто эгоистические предводители, как в России, им не хватает для длительной борьбы *одной*, но очень важной вещи — *кредитоспособности*» (Вебер 1917). Это условие стало неотъемлемой частью его размышлений и о судьбе Германии.

Мы вернемся к рассмотрению этого вопроса ниже, а пока отметим, что, по Веберу, немецкий народ, вынужденный прекратить военное сопротивление и не имеющий ясности о своем будущем, «должен *знать*, что «в России сейчас нет и речи о “демократии”, и понимать — почему. С *подлинно* демократической Россией можно было бы заключить почетный мир. Очевидно, что с нынешней Россией этого сделать *невозможно*: ее властителям для удержания власти нужна война» (Вебер 2005).

В России либо случится новый переворот (что и произошло), либо после Февраля баланс власти изменится и возникнет заинтересованность буржуазии в мире. Вебер приветствовал Декларацию Временного правительства от 27.03.1917, в которой оно обещало при заключении мира воздержаться от аннексий и уважать самоопределение народов. В письме Ф. Науману от 8.05.1917 он рекомендует адресату заявить о том, что «...мы тотчас же встаем на российскую позицию» вплоть до неподдержки западных держав, пока те «поддерживают военные цели, несовместимые с Декларацией российского Правительства» (Weber 2008a).

В заметке «Die russische Revolution und der Friede» («Русская революция и мир») он пишет: «Свержение того правительства, которое считало войну с нами *необходимой*, означало бы фундаментальное изменение всего нашего положения относительно России. Разумеется, что с Россией в случае реальной возможности установления *не империалистической*, а федералистской демократии, мы можем всегда жить в мире и дружбе...» Здесь же он еще раз подтверждает свои симпатии к русскому освободительному движению (Weber 1984с: 291).

В годы войны Вебер пришел к выводу о возвышении США. В переписке с историком Г. Онкеным (Hermann Oncken, 1869–1945) утверждается, что Германия и Австрия «после войны будут привязаны к финансовой помощи

Америки». Об этом он писал и раньше. Возрождение России также возможно лишь при поддержке иностранного капитала — тезис, который был на практике убедительно оспорен большевиками в России.

В самый тяжелый для Советской России (и Германии) период Вебер публично выступил против ее экономической блокады, участия в которой требовали от Германии союзники-победители. Он подписал воззвание, в котором говорилось, что немцы только что пережили 4,5 года голода и что «нельзя бороться с большевизмом, обрекая на голодовку русских женщин и детей» (Weber 1988: 536).

Важнейший вывод Вебера из военного периода истории — вывод о расхождении исторических путей России и Германии несмотря на его симпатии к русскому освободительному движению.

О большевизме в России и в Германии

В начале XX в. рабочее и коммунистическое движение представляло собой крупнейшую политическую силу Европы, которая была объединена Вторым Интернационалом. Однако вместе с началом Первой мировой войны выяснилось, что национальная общность сильнее пролетарского интернационализма, что у рабочего класса больше общего с национальной буржуазией, чем с рабочим классом других стран.

Вебер сочувствовал рабочему движению. Он не был против социализма, признавал его историческую перспективу. Его энциклопедические знания свидетельствовали о том, что государственная деятельность (в его понимании — это и есть социализм) либо частный бизнес широко варьируют в истории как в экономике, так и в политике, и что бывает даже частное ведение колониальных (и не только) войн (Вебер 2003б: 314). Он даже хотел написать статью «О марксизме», но на это не удавалось выкроить время.

Возможность публично высказать свое отношение к социализму и большевизму представилась ему по получении должности профессора Венского университета. Он не только читал лекции студентам, но и вел занятия с офицерами Управления противодействия вражеской пропаганде австрийской армии, которые затем должны были разъяснять солдатам вред большевизма. Доклад «Социализм» (Weber 1984а: 597) был прочитан им 13.06.1918 в рамках названных занятий, его пришлось послушать 300 человек (доклад был издан брошюрой).

Выступление с докладом пришлось на 60-летие выхода в свет «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса — «научного достижения первостепенного значения» (Weber 1984b: 616), на время полемики тех лет среди марксистов о готовности России к капитализму, ее превращения из аграрной страны в современную — об этом писал, например, марксист К. Каутский в многочисленных работах по аграрному вопросу.

Основное замечание Вебера в адрес «Манифеста» состоит в том, что этот политический документ ограничивается «пророчеством» (Weber 1984b: 616), не поясняя, как будет устроена «ассоциация индивидов» будущего коммунистического общества (Weber 1984b: 617). Другое замечание касается идеи обобществления собственности. Вебер считает ее не более чем ностальгией по Средневековью, когда мастер владел инструментами своего ремесла, а рыцарь сам экипировал себя для участия в военном походе князя. Современная техника и технология ничего подобного не допускают.

Вебер разъясняет наивность требования передачи заводов и фабрик рабочим. Фабрика — не средневековый цех, собственность рабочего на оборудование помешала бы слаженной работе при сложном разделении труда. Современное оборудование не годится для частного владения, как и солдат не сможет содержать тяжелое вооружение, да и легким армия обеспечивает его лучше, чем он сам. И так повсюду: на фабрике, в университете, в армии (Вебер 2003б: 311–312). Везде идет «отделение» трудящихся от средств производства, включая управление: от предприятия до государства. Обратной стороной этого процесса является бюрократизация, пронизывающая производство, армию, университет, все общество. Везде возникает чиновничий аппарат, работающий за плату, без «кормления» от должности, одновременно растет класс специалистов и служащих. Учебные заведения разного профиля везде «растут, как грибы после дождя» (Вебер 2003б: 329).

Бюрократия не может задушить свободу лишь потому, что в верхних эшелонах власти над чиновниками возвышается небольшое число лидеров с творческим духом свободы: предприниматель в экономике, политик в государстве, командующий в армии. Они незаменимы, считает Вебер, но им угрожает не диктатура пролетариата, а «диктатура чиновничества» (Weber 1984b: 621).

В России начат крупный большевистский революционный эксперимент по прорыву в социализм. Представляет ли собой эта попытка альтернативу капитализму? По Веберу, конечно, нет. Россия — страна аграрная: любые ожидания, что она в своем развитии опередит Европу, несерьезны. Они вызывают у Вебера недоверие европейца той эпохи, считавшего себя гораздо выше остальной части мира по достижениям цивилизации, в том числе России.

По отрывочным сведениям и даже слухам, доходящим из России до Вены, исходя скорее из своего огромного исторического знания, Вебер пытается дать оценку большевизму. Он ищет признаки провала революционного эксперимента и находит их: «...Правительство большевиков, которое, как известно, состоит из интеллектуалов, часть которых обучалась здесь в Вене и в Германии (среди них вообще-то говоря, немного русских), теперь перешла к тому, что среди фабрик, каковые вообще еще функционируют, —

согласно социал-демократическим «Известиям», они дают 10 % продукции мирного времени — вновь вводят систему сдельной оплаты на том основании, что иначе пострадает производительность. Они оставляют предпринимателей во главе предприятий — поскольку только предприниматели обладают знанием дела — и предоставляют им значительные субсидии. Далее, они стали платить офицерские оклады офицерам старого режима, поскольку большевикам нужна армия, и они увидели, что без кадровых офицеров с выучкой дело не пойдет». Он сомневается в том, что «эти офицеры, вновь заполучившие в свои руки рядовой состав, долго будут терпеть руководство упомянутых интеллектуалов» (Вебер 2003б: 336–337).

Классик считает, что в России руками большевиков история все еще решает задачи буржуазной революции и капиталистического развития. Он напоминает, что последовательные марксисты придерживаются тезиса о необходимости прохождения обществом всех стадий развития (что делает революции ненужными). Поэтому партия большевиков — «местная секта, верящая, что Россия может перепрыгнуть стадии развития Западной Европы» (Weber 1984b: 633). Не имея поддержки мирового капитала, большевистская революция обречена на скорый провал. В этом заключении Вебер не одинок. Так же считали многие, в том числе известный критик революции социолог Питирим Сорокин, причем он формулировал свою мысль почти в тех же выражениях, что и Вебер (Сорокин 1994: 450). Оба они ошиблись.

Касаюсь отношения Вебера к германской революции 1918–1919 гг., будучи предельно краткими, отметим лишь принципиальное неприятие им любой левацкой политики. Например, он резко критиковал левых коммунистов К. Либкнехта и Р. Люксембург, которые разжигали гражданскую войну в Германии, ратовали за большевизацию страны. Для нее имелась вполне своя реальная почва: например, национал-большевистское движение во главе с Э. Никишем (Ernst Nikisch, 1889–1967) (Никиш 2012). Вебер был логичен и прав: революция в Германии была просто не нужна. Как это ни странно звучит, но 28.10.1918, за несколько дней до перемирия в войне, под давлением верховного командования был реализован принцип ответственности правительства перед парламентом. Страна получила правительство западного образца (канцлер стал ответственным перед рейхстагом, а не перед кайзером) без революции путем мирной, «бархатной» трансформации власти.

Ноябрьская революция, начавшаяся 4.11.1918 с восстания матросов в г. Киле и формально продлившаяся до подписания президентом Республики Ф. Эбертом Веймарской конституции 11.08.1919, оказалась, по меткому выражению историков, «революцией без цели», она была связана скорее с военным поражением страны, чем со сменой политической системы. Баварская Советская Республика, провозглашенная в Мюнхене Советом рабо-

чих и солдатских депутатов (06.04–03.05.1919) по российскому образцу, быстро превратилась в предмет насмешек того времени (она порвала дипломатические отношения с Берлином, национализировала банки). Она была жестко подавлена армией. Вебер считал ее «глупым и фривольным карнавалом».

Все советские попытки политического сближения с Германией отклонялись правительством Веймарской республики, а экспорт революции решительно пресекался им вплоть до 1921 г., когда В.И. Ленин объявил об отсрочке мировой социалистической революции.

Об Октябрьской революции и ее последствиях

Веберовская оценка революции в Германии, да и в России, сводилась к тому, что обе они являются внутривнутриполитическими событиями. В исторической перспективе он был прав. Ленинская теория слабого звена в цепи империалистических государств (Россия), теория перманентной революции его оппонента Л.Д. Троцкого, гораздо более близкая к классикам марксизма, ушли в историю. Этого не сказать ни о веберовской теории капитализма, ни о его исторической социологии с ее требованием анализа реальных альтернатив развития.

Вопреки прогнозам партия большевиков, руководство которой действительно училось в Европе, все-таки смогла найти выход из тупика, указанного Вебером — отсутствия капитала для индустриализации страны (концессии с иностранными предпринимателями дали немного результатов). Решение состояло в коллективизации крестьянства (принято XIII съездом ВКП (б) 23–32.05.1924) и индустриализации страны за его счет (решение принято XIV съездом ВКП (б) 18–21.12.1925). Вот как об этом говорилось в политическом докладе на XIV съезде партии: «...Мы должны строить наше хозяйство так, чтобы наша страна не превратилась в придаток мировой капиталистической системы», опираться в основном на внутренний рынок и смычку индустрии с крестьянским хозяйством (XIV съезд 1926: 27). Аргументация: если хотим «превратиться в такую страну, которая в своем развитии не будет отставать от капиталистических стран, то нам не избежать ввоза оборудования за счет сельскохозяйственной продукции» (XIV съезд 1926: 332).

В течение жизни двух поколений, особенно в 1960-е и 1970-е гг., советский социализм оказался, вопреки Веберу (и многим другим) реальной альтернативой капитализму. Во всем мире многие считали советский социализм лучше, эффективнее и гуманнее, влиятельнее. Мир в целом стал в 1970-е гг. левым. В Европе и в США возникли новые движения за демократизацию и эмансипацию. Советская экономика действительно успешно работала десятилетия вопреки веберовскому и другим прогнозам о невозможности этого. В стране была и передовая наука, и прогрессивная техника,

и новые технологии. Вероятно, советское экономическое пространство было столь обширно и самодостаточно, что экономические законы проби-вали себе там дорогу даже через регламентации плановой экономики.

Однако в 1970-е гг. случилось непредвиденное в социалистических уче-ниях: экономика развитых стран перешла в энергообеспечении с угля на нефть, а советское руководство совершило в новой исторической ситуации роковую ошибку, сделав ставку на мировую торговлю сырьем вместо того, чтобы реформировать экономику, начавшую отставать от европейской. Од-новременно советский человек стал ориентироваться на западные стандар-ты потребления, а не на 1913 г., с которым советская статистика и пропаган-да сравнивали показатели развития страны.

В качестве небольшой проверки этого утверждения можно сформулиро-вать риторический вопрос: распался бы СССР в 1991 г. при цене на нефть не \$ 8 за баррель, а \$ 100–150? При всех изъянах советской системы приходится отвечать, что нет. Страна бы процветала, как процветает Саудовская Ара-вия и многие другие нефтедобывающие страны, обеспечивая своим жите-лям западные стандарты потребления при культурном традиционализме. Получается, что, говоря о социалистической экономике, Вебер ошибался 7 десятилетий, но после 1991 г. вот уже почти 3 десятка лет он снова прав в своих оценках. Этот вывод подтверждают и высокие темпы развития Ки-тая с 1978 г. после реформирования социалистической экономики.

В докладе «Социализм» Вебер воздержался от объяснения цикличности кризисов рыночной экономики, заявив, что «... на этот счет ведущие ученые нашей дисциплины еще не пришли к полному согласию» (Weber 1984b: 620). Спустя век можно обратиться к выяснению этого вопроса, используя новые факты.

Прежде всего, отметим, что ничего подобного Великой экономической депрессии 1929–1939 гг. больше не наблюдается, хотя кризисы мировой эко-номики все еще бывают (1973, 1998, 2008). Они больше не носят столь раз-рушительного характера, как прежде. Причиной такой перемены является, вероятно, послевоенная экономическая глобализация, инициированная США. В 1994 г. были созданы Всемирный банк, Международный валютный фонд, в 1948 г. — Организация экономического сотрудничества и развития, был успешно реализован План Маршалла по восстановлению экономик за-падных стран. В 1947 г. было подписано Генеральное соглашение о тарифах и торговле, в 1995 г. создана Всемирная торговая Организация. Известно, что те, кто раньше присоединился к этим организациям, сейчас процветают (например, «азиатские тигры» — Сингапур, Республика Корея, Тайвань, Гон-конг). Кто подключился позже — во втором эшелоне развития («азиатские драконы»: Филиппины, Малайзия, Тайланд, Индонезия). Китай вступил в ВТО в 2001 г., Россия — в 2012 г.

Вебер точнее, чем большевики, оценивал стадию модернизации России как начальную, которые переоценивали ее готовность к социализму и демократии, использовали для управления обществом массовое насилие. Он дал верную оценку революции 1905 г. как псевдоконституционализм, а после разгона Учредительного собрания большевиками 5.01.1918 правильно оценил политическую ситуацию в стране как псевдодемократию. В дальнейшем она и в самом деле была таковой, поскольку была ликвидирована многопартийность в политике, плюрализм мнений в правящей партии.

Однако он заблуждался в оценке организаторских способностей лидеров российского большевизма. Они обошлись без привлечения крупных иностранных кредитов в экономику и провели индустриализацию за счет крестьянства, смогли на десятилетия обеспечить экономическую самодостаточность и даже наладить военно-техническое сотрудничество с Германией ценой отказа от теории мировой революции. Они не решали де-факто задачи капиталистического развития, а строили свое уникальное советское государство.

Сравнивая веберовский анализ российских революций с «Социологией революций» П.А. Сорокина, отметим, что в предисловии к немецкому изданию в 1928 г. он пишет, что в его прогнозах не нужно что-либо менять, «так как дальнейшее развитие русской революции им соответствовало» (Sorokin 1928: 5). Стал бы Макс Вебер что-либо менять в своих оценках революции через 10 лет? Вероятно, тоже нет, ведь будучи свидетелем новой экономической политики большевиков (14.03.1921–11.10.1931), он, наверное, укрепился бы в своих выводах. Здесь нужны более широкие исторические рамки, которыми мы попытались воспользоваться.

Подчеркнем главное в наших выводах из веберовского россиеведения, актуальное и сегодня: российское общество все еще не завершило свой исторический выбор. Германии потребовалось для этого более полувека, считая от перехода к политической системе западного типа в 1918 г. и кончая объединением страны в 1990 г. Сколько времени понадобится России — вопрос открытый.

Значение творчества Вебера для социологии как науки об обществе (а не только о социальном действии, как он сам ее определял) общепризнано. К этому признанию трудно что-либо добавить. Однако можно сослаться на его малоизвестное изображение в образе апостола Луки на бронзовой крышке купели в протестантской церкви св. Николая в г. Билефельде (рис. 1).

Барельеф был создан в 1932 г. художником Арнольдом Риккертом, сыном философа Г. Риккерта, он и Вебер дружили семьями. При реставрации купели он придал четверем евангелистам образ профессоров веберовского круга общения, примкнув к средневековой традиции изображать библейских и евангельских персонажей в образе великих современников. «Четыре

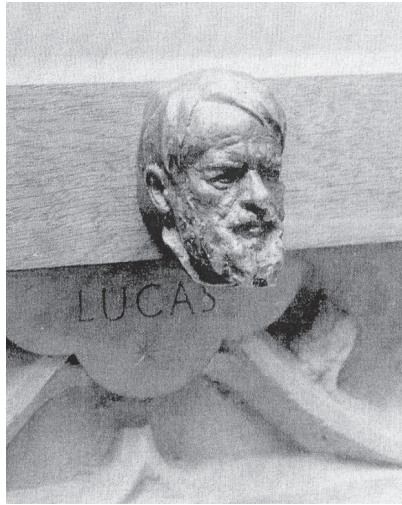

Рис. 1. М. Вебер в образе евангелиста Луки
 Источник: (Prorach 2002: 403)

художественных портрета показывают современникам тех, кто в первые десятилетия XX в. сыграл выдающуюся роль в культурной, духовной, научной жизни», — отмечает автор краеведческой статьи о данной находке (во время Второй мировой войны церковь была разрушена, купель утрачена, но сохранились ее фотографии 1932 г.) (Prorach 2002)

На это удивительное подтверждение признания веберовских заслуг перед наукой и обществом наше внимание обратил проф. Хартман Тюрель из Билефельдского университета.

Литература

Вебер М. (1909) О Германии и свободной России. *Русские ведомости*, 62 [17 марта]: 5.

Вебер М. (1990) «Объективность» социально-научного и социально-политического познания. *Избранные произведения*. Давыдов Ю.Н., Гайденок П.П. (ред.) М.: Прогресс: 345-414.

Вебер М. (2003а) Избирательное право и демократия в Германии. *Политические работы*. М.: Праксис: 40-106.

Вебер М. (2003б) Социализм (июнь 2018). *Политические работы*. М.: Праксис: 300-342.

Вебер М. (2005) Переход России к псевдодемократии. *Космополис*, 3 [<http://polit.ru/article/2005/12/02/veber>] (дата обращения 1.03.2018).

Вебер Марианна (2007) *Жизнь и творчество Макса Вебера*. М.: РОССПЭН.

Давыдов Ю.Н. (1992) Макс Вебер и Россия. *Социологические исследования*, 3: 115-129.

Головин Н.Н. (2001) *Военные усилия России в мировой войне*. Жуковский — Москва: Кучково поле.

Декларация Временного правительства о задачах войны от 27.03.1917 (1917) [http://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_ru&dokument=0004_mil&object=translation&st=&l=ru] (дата обращения 15.07.2017).

Кустарёв А. (2017) *Тема России в работах Макса Вебера*. [<http://old.politstudies.ru/universum/dossier/04/kust03.htm>] (дата обращения 1.03.2018).

Ленин В.И. (1971) Развитие капитализма в России. *Полное собрание сочинений*. Т. 3. М.: Политиздат: 1–609.

Ленин В.И. (1973) Доклад о революции 1905 года. *Полное собрание сочинений*. Т. 30. М.: Политиздат: 306–328.

Ленин В.И. (1976) Столыпин и революция. *Полное собрание сочинений*. Т. 20. М.: Политиздат: 324–333.

Людендорф Э. (2014) *Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг.* М.: Вече.

Никиш Э. (2012) *Жизнь, на которую я отважился: встречи и события*. СПб.: Владимир Даль.

Павлов Н.В. (2017) *Россия и Германия: несостоявшийся альянс (история с продолжением)*. М.: Аспект Пресс.

Пленков О.Ю. (2011) *Триумф мифа над разумом*. СПб.: Владимир Даль.

Пленков О.Ю. (2014) *Истоки современности. Динамика и логика развития Запада в Новейшее время*. СПб.: Восход.

Сорокин П.А. (1994) Современное состояние России. *Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет*. М.: Наука: 418–491.

XIV съезд ВКП (б). *Стенографический отчёт* (1926). М.-Л.: ГИЗ.

Шпакова Р.П. (2003) Макс Вебер о становлении демократии в России. *Социологические исследования*, 3: 109–114.

Levisohn A. (1905) Politische Wochenschau. *Berliner Tageblatt und Handels-Zeitung*, 43.

Propach H. (2002) Ein Taufstein und vier Professoren. In: *Kloster - Stadt - Region: Festschrift fuer Heinrich Ruething*. Bielefeld: Verlag fuer Regionalgeschichte: 393–412.

Sorokin P. (1928) *Die Soziologie der Revolution*. München: Lehmann.

Weber M. (1984a) Der Sozialismus (Editorischer Bericht). In: *Max Weber Gesamtausgabe. Band I/15: Zur Politik im Weltkrieg. Schriften und Reden 1914–1918*. Tübingen: Mohr, Siebeck: 597–598.

Weber M. (1984b) Der Sozialismus. In: *Max Weber Gesamtausgabe. Band I/15: Zur Politik im Weltkrieg. Schriften und Reden 1914–1918*. Tübingen: Mohr, Siebeck: 599–633.

Weber M. (1984c) Die russische Revolution und der Friede. In: *Max Weber Gesamtausgabe. Band I/15: Zur Politik im Weltkrieg. Schriften und Reden 1914–1918*. Tübingen: Mohr, Siebeck: 294–296.

Weber M. (1984d) Rußlands Übergang zur Scheindemokratie. In: *Max Weber Gesamtausgabe. Band I/15: Zur Politik im Weltkrieg. Schriften und Reden 1914–1918*. Tübingen: Mohr, Siebeck: 238–260.

Weber M. u.a. (1988) Gegen die Blokade Rußlands. In: *Max Weber Gesamtausgabe. Band I/16. Zur Neuordnung Deutschlands. Schriften und Reden 1918–1920*. Tübingen: Mohr, Siebeck: 536.

Weber M. (1989a) Rußlands Übergang zum Scheinkonstitutionalismus. In: *Max Weber Gesamtausgabe. Band I/10. Zur Russischen Revolution von 1905. Schriften und Reden 1905–1912*. Tübingen: Mohr, Siebeck: 364–366.

Weber M. (1989b) Zur Lage der bürgerlichen Demokratie in Russland. In: *Max Weber Gesamtausgabe. Band I/10. Zur Russischen Revolution von 1905. Schriften und Reden 1905–1912*. Tübingen: Mohr, Siebeck: 1–104.

Weber M. (1989c) Zur Rede Alfred Hettners über „Das europäische Russland. Volk, Staat und Kultur.“ Bericht der Heidelberger Zeitung. In: *Max Weber Gesamtausgabe. Band I/10. Zur Russischen Revolution von 1905. Schriften und Reden 1905–1912*. Tübingen: Mohr, Siebeck: 695–696.

Weber M. (2008a) Brief an Friedrich Naumann vom 8.05.1917. In: *Max Weber Gesamtausgabe. Band II/9: Briefe 1915–1917*. Tübingen: Mohr, Siebeck: 632–633.

Weber M. (2008b) Brief an Karl Hampe, vor 15.02.1917. In: *Max Weber Gesamtausgabe. Band II/9: Briefe 1915–1917*. Tübingen: Mohr, Siebeck: 597.

MAX WEBER: “ALL MY SYMPATHIES ARE WITH THE RUSSIAN LIBERATION MOVEMENT”: ARTICLES, LETTERS AND ESSAYS ON REVOLUTIONS, WAR AND DEMOCRACY

*Nikolay Golovin**

Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia

Citation: Golovin N. (2017) Max Weber: «Vse moi simpatii prinadlezhat russkomu osvoboditel'nomu dvizheniyu»: stat'i, pis'ma i ocherki klassika sotsiologii o revolyutsiyakh, voyne i demokratii [Max Weber: “All my sympathies are with the Russian liberation movement”: articles, letters and essays on revolutions, war and democracy]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 20(4): 70–88 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.4.4>

Abstract. Max Weber (1864–1920), a classic author, a sociologist and a specialist in the Russian studies considered that at the beginning of the XX century there was the possibility of integrating Russia and Germany into Western civilization. Following his historical sociology he expected the realization of this possibility from the Russian revolutions.

Weber hoped that the revolution of 1905–1906 will ensure Russia's transition to capitalism and constitutional monarchy, but political analysis led him to the conclusion that pseudo-constitutionalism is being established in the country. The February Revolution of 1917,

* E-mail: n.golovin@spbu.ru

the fall of the Romanov dynasty were perceived by Weber as a “miracle” saving for Germany, opening the possibility of concluding a separate peace with Russia in World War I. Assessing the new chances of establishing capitalism and liberal democracy in Russia, he proceeded from the unresolved task of democratization and the fundamentally unchanged balance of political forces. The February revolution, the struggle between the Provisional Government and the Bolshevik Petrograd Soviet he called “pseudo-democracy”. He underestimated Bolshevism, the ability of the peasant country to accelerate modernization and was strengthened in the conclusion that the historical paths of Russia and Germany had diverged as a result of the October Revolution in Russia, using this argument in criticizing the Bavarian Soviet Republic and left radical movements in Germany (1918–1919).

The author uses articles, essays, business and personal letters of Weber, which became available only recently after the publication of almost all volumes of the Second Complete Collection of his works, and supplements them with a broad historical material allowing to objectively evaluate Weber’s conclusions, taking into account the long-term consequences of historical events.

Keywords: Max Weber, history of sociology, historical sociology, Russian revolution, socialism, capitalism.

References

XIV s’yezd VKP (b). *Stenograficheskiy otchot* [XIV s’yezd VKP (b). Stenograficheskiy otchot [XIV Congress of the CPSU (b). Verbatim report] (1926). Moscow and Sankt-Petersburg: GIZ (in Russian).

Davydov Y.N. (1992) Maks Veber i Rossiya [Max Weber and Russia]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 3: 115–129 (in Russian).

Deklaratsiya Vremennogo pravitel’stva o zadachakh voyny ot 27.03.1917 (1917) [Declaration of the Provisional Government on the Tasks of the War from 27.03.1917] [http://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_ru&dokument=0004_mil&object=translation&st=&l=ru] (available at 1.03.2018) (in Russian).

Golovin N.N. (2001) *Voyennyye usiliya Rossii v mirovoy voyne* [Russia’s military efforts in a world war]. Zhukovskiy — Moscow: Kuchkovo pole (in Russian).

Kustarev A. (2017) *Tema Rossii v rabotakh Maksa Vebera* [The Theme of Russia in the Works of Max Weber] [<http://www.univer.omsk.ru/omsk/socstuds/maksveb/index5.html>] (available at 1.03.2018) (in Russian).

Lenin V.I. (1971) *Razvitiye kapitalizma v Rossii* [The development of capitalism in Russia]. In: Lenin V.I. *Polnoye sobraniye sochineniy. T. 3* [Completed works. Vol. 3]. Moscow: Politizdat: 1–609 (in Russian).

Lenin V.I. (1973) *Doklad o revolyutsii 1905 goda* [Report on the Revolution of 1905]. In: Lenin V.I. *Polnoye sobraniye sochineniy. T. 30* [Completed works. Vol. 30]. Moscow: Politizdat: 306–328 (in Russian).

Lenin V.I. (1976) *Stolypin i revolyutsiya* [Stolypin and the Revolution]. In: Lenin V.I. *Polnoye sobraniye sochineniy. T. 20* [Completed works. Vol. 20]. Moscow: Politizdat: 324–333 (in Russian).

Levisohn A. (1905) Politische Wochenschau [Political newsreel]. *Berliner Tageblatt und Handels-Zeitung* [Berliner Tageblatt and Handels-Zeitung], 43 (in German).

Luedendorf E. (2014) *Moi vospominaniya o voyne 1914–1918 godov* [My Memories of the War of 1914–1918]. Moscow: Veche (in Russian).

Nikish E. (2012) *Zhizn', na kotoruyu ya otvazhilsya: vstrechi i sobytiya* [The Life I Dare To: Meetings and Events]. Sankt-Petersburg: Vladimir Dal (in Russian).

Pavlov N.V. (2017) *Rossiya i Germaniya: nesostoyavshiysya al'yans (istoriya s prodolzheniyem)* [Russia and Germany: the Failed Alliance (a Continuation Story)]. Moscow: Aspekt Press (in Russian).

Plenkov O.Y. (2011) *Triumf mifa nad razumom* [Triumph of the Myth over the Mind]. Sankt-Petersburg: Vladimir Dal (in Russian).

Plenkov O.Y. (2014) *Istoki sovremennosti. Dinamika i logika razvitiya Zapada v Noveysheye vremena* [The origins of modernity. Dynamics and Logic of the Development of the West in the Present Time]. Sankt-Petersburg: Voskhod (in Russian).

Propach H. (2002) *Ein Taufstein und vier Professoren. Kloster – Stadt – Region: Festschrift fuer Heinrich Ruething*. [A Font and four professors. Cloister – Town – Region: Commemorative Volume for Heinrich Ruething]. Bielefeld: Verlag fuer Regionalgeschichte [Publishing company for regional history]: 393–412 (in German).

Shpakova R.P. (2003) Max Weber o stanovlenii demokratii v Rossii [Max Weber about the Formation of Democracy in Russia]. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya* [Sociological research], 3: 109–114 (in Russian).

Sorokin P.A. (1994) *Sovremennoye sostoyaniye Rossii* [The Current Situation of Russia]. *Obshchedostupnyy uchebnyk sotsiologii. Stat'i raznykh let* [Public Textbook of Sociology. Articles of different Years]. Moscow: Nauka: 418–491 (in Russian).

Sorokin P. (1928) *Die Soziologie der Revolution* [Sociology of Revolution]. München: Lehmann (in German).

Weber M. (1909) O Germanii i svobodnoy Rossii [About Germany and Free Russia]. *Russkiye vedomosti* [Russian news], 62 [17 March]: 5 (in Russian).

Weber M. (1984a) Der Sozialismus (Editorischer Bericht) [Socialism (Editor's Report)]. In: *Max Weber Gesamtausgabe. Band I/15: Zur Politik im Weltkrieg. Schriften und Reden 1914–1918*. [Max Weber's Complete Works. Vol. I/15: Politics in the World War. The Writings and speeches from 1914–1918]. Tübingen: Mohr, Siebeck: 597–598 (in German).

Weber M. (1984b) Der Sozialismus [Socialism]. In: *Max Weber Gesamtausgabe. Band I/15: Zur Politik im Weltkrieg. Schriften und Reden 1914–1918* [Max Weber's Complete Works. Vol. I/15: Politics in the World War. The Writings and Speeches from 1914–1918]. Tübingen: Mohr, Siebeck: 599–633 (in German).

Weber M. (1984c) Die russische Revolution und der Friede [The Russian Revolution and Peace]. In: *Max Weber Gesamtausgabe. Band I/15: Zur Politik im Weltkrieg. Schriften und Reden 1914–1918* [Max Weber's Complete Works. Vol. I/15: Politics in the World War. The Writings and Speeches 1914–1918]. Tübingen: Mohr, Siebeck: 294–296 (in German).

Weber M. (1984d) Rußlands Übergang zur Scheindemokratie [Russia's Transition to Fake-Democracy]. In: *Max Weber Gesamtausgabe. Band I/15: Zur Politik im Weltkrieg. Schriften und Reden 1914–1918* [Max Weber's Complete Works. Vol. I/15: Politics in the World War. The Writings and Speeches from 1914–1918]. Tübingen: Mohr, Siebeck: 238–260 (in German).

Weber M. (1989a) Rußlands Übergang zum Scheinkonstitutionalismus [Russia's Transition to Fake-Constitutionalism]. In: *Max Weber Gesamtausgabe. Band I/10. Zur Russischen Revolution von 1905. Schriften und Reden 1905–1912* [Max Weber's Complete Works. Vol. I/10 The Writings and Speeches 1905–1912]. Tübingen: Mohr, Siebeck: 364–366 (in German).

Weber M. (1989b) Zur Lage der bürgerlichen Demokratie in Russland [On the Situation of Bourgeois Democracy in Russia]. In: *Max Weber Gesamtausgabe. Band I/10. Zur Russischen Revolution von 1905. Schriften und Reden 1905–1912* [Max Weber's Complete Works. Vol. I/10 The Writings and Speeches 1905–1912]. Tübingen: Mohr, Siebeck: 1–104 (in German).

Weber M. (1990) «Ob'yektivnost'» sotsial'no-nauchnogo i sotsial'no-politicheskogo poznaniya [„Objectivity“ of socio-scientific and socio-political knowledge]. In: Weber M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Max Weber's Selected Works]. Moscow: Progress: 345–414 (in Russian).

Weber M. (2003a) Izbirateľnoye pravo i demokratiya v Germanii [The electoral law and democracy in Germany]. In: Weber M. *Politicheskiye raboty* [Max Weber's Political works]. Moscow: Praxis: 40–106 (in Russian).

Weber M. (2003b) Sotsializm [Socialism]. In: Weber M. *Politicheskiye raboty* [Max Weber's Political works]. Moscow: Praxis: 300–342 (in Russian).

Weber M. (2005) *Perekhod Rossii k psevdodemokratii* [Russia's Transition to Fake-Democracy] [<http://polit.ru/article/2005/12/02/weber>] (available at 31.05.2017) (in Russian).

Weber M. u.a. (1988) Gegen die Blokade Rußlands [Against the blockade of Russia]. *Max Weber Gesamtausgabe. Band I/16. Zur Neuordnung Deutschlands. Schriften und Reden 1918–1920*. [Max Weber's Complete Works. Vol. I/16: For the reorganization of Germany. The Letters and Speeches from 1918–1920]. Tübingen: Mohr, Siebeck: 536 (in German).

Weber Marianna (2007) *Zhizn' i tvorchestvo Maksa Vebera* [Life and work of Max Weber]. Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Weber M. (1989c) Zur Rede Alfred Hettner's über „Das europäische Russland. Volk, Staat und Kultur.“ Bericht der Heidelberger Zeitung [Alfred Hettner's speech on „European Russia. People, state and culture.“ Report of the Heidelberger Zeitung]. In: *Max Weber Gesamtausgabe. Band I/10. Zur Russischen Revolution von 1905. Schriften und Reden 1905–1912* [Max Weber's Complete Works. Vol. I/10 The Writings and Speeches 1905–1912]. Tübingen: Mohr, Siebeck (in German).

Weber M. (2008b) Brief an Karl Hampe, vor 15.02.1917 [Letter to Karl Hampe, before 15.02.1917]. *Max Weber Gesamtausgabe. Band II/9: Briefe 1915–1917* [Max Weber's Complete Works. Vol. II/9: The Letters from 1915–1917]. Tübingen: Mohr, Siebeck: 597 (in German).

Weber M. (2008a) Brief an Friedrich Naumann vom 8.05.1917 [The Letter to Friedrich Naumann from 8.05.1917]. *Max Weber Gesamtausgabe. Band II/9: Briefe 1915–1917*. [Max Weber's Complete Works. Vol. II/9: The Letters from 1915–1917]. Tübingen: Mohr, Siebeck: 632–633 (in German).